

С.Я. Маршак

АПРЕЛЬ

Апрель, апрель!
На дворе звенит капель.

По полям бегут ручьи,
На дорогах лужи.
Скоро выйдут муравьи
После зимней стужи.

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

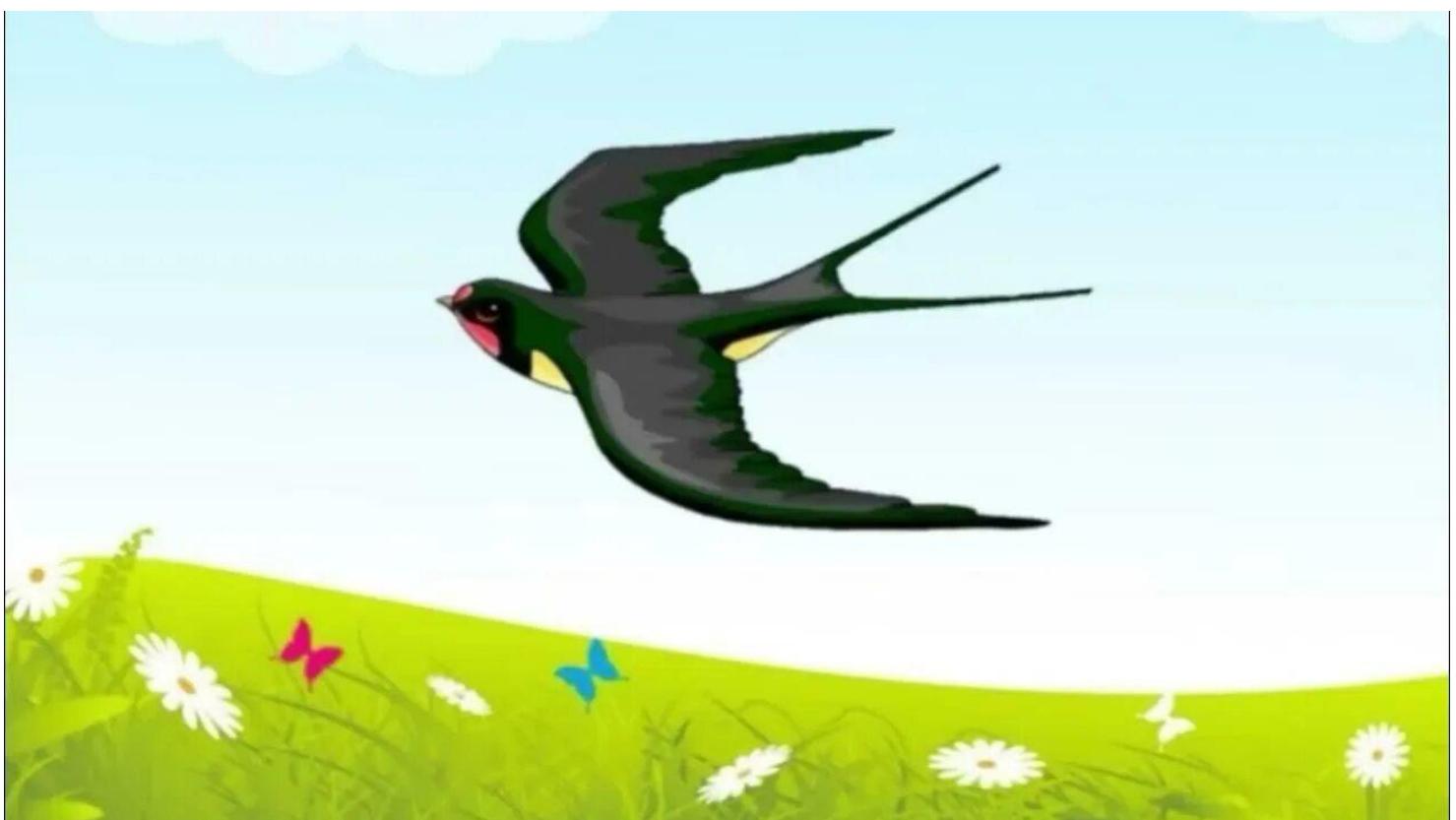
Алексей Плещеев

Травка зеленеет, солнышко блестит

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!

Дам тебе я зерен,
А ты песню спой,
Что из стран далеких
Принесла с собой...

Сладков Н.И. «Серьёзная птица»

В лесу у болота колония цапель. Каких только цапель нет! Большие и маленькие: белые, серые, рыжие. И дневные, и ночные. Разные цапли по росту и цвету, но все очень важные и серьезные.

И больше всех важна и серьезна цапля-кваква. Цапля-кваква — ночная. Днем она отдыхает на гнезде, а ночью ловит на болоте лягушат и рыбьих мальков. Ночью на болоте ей хорошо — прохладно. А вот днем на гнезде — беда. В лесу духота, солнце печет. Кваква сидит на краю гнезда, на самом припеке. Клюв от жары разинула, крылья широкие свесила — совсем разомлела. И дышит тяжело, с хрипом.

Подивился я: серьезная на вид птица, а такая глупая! В тень спрятаться — и на то ума не хватает. И гнездо построила кое-как — у птенцов ноги в щели проваливаются.

Жара. Хрипит на припеке, разинув клюв, кваква. Медленно движется по небу солнце. Медленно передвигается по краю гнезда кваква...

И вдруг кровь ударила мне в лицо — так стало стыдно. Ведь кваква телом своим птенцов от жгучего солнца закрывала!

Птенцам ни холодно, ни жарко: сверху тень, снизу в щели гнезда ветерок поддувает. Сложили они длинные носы свои один на другого, ноги в щели свесили и спят. А как проснутся и есть запросят, кваква полетит на болото ловить им лягушат и мальков. Накормит птенцов и опять на гнездо сядет. Носом по сторонам водит — караулит.

Серьезная птица!

Александр Деев О планете Земля.

Почему Земля? Потому что мы на ней живём. Давным-давно Земля была горячая, страшная и не красивая. Она летала вокруг Солнца. Горячие газы вырывались из её середины. И не было на ней никакой жизни. Она плакала, как маленькие детки, дождями. И тогда на ней в океанах Бог решил зародить жизнь. Нарастил на ней леса, как волосы. Сначала сделал рыбок, потом больших животных. Потом человека. Прошли годы. Планета успокоилась. Научилась дышать спокойно. Стала взрослой и красивой. И мы живём сейчас на ней, счастливые, как с родной мамой.

Жили-были два братца, два
братца – кулик да журавль.
Накосили они стожок сенца,
поставили среди польца. Не
сказать ли сказку опять с конца?

Заяц-хвастун (в обработке О. Капицы)

Жил-был заяц в лесу.

Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно.

Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит: там уже много зайцев собралось.

Он и начал им хвастать: У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь!

Пошел зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тетке вороне, как заяц хвастался.

Полетела ворона хвастунишку разыскивать.

Нашла его под кустом и говорит: А ну, скажи, как ты хвастался?

А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Потрепала его ворона за ушки и говорит: Смотри, больше не хвастай!

Испугался заяц и обещал больше не хвастать.

Вот сидела раз ворона на заборе, вдруг собаки набросились на нее и стали трепать.

Увидел заяц, как собаки ворону треплют, и думает: надо бы вороне помочь. А собаки увидели зайца, бросили ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал – собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него.

Сидит ворона опять на заборе, а заяц отдохнул и прибежал к ней.

Ну, – говорит ему ворона, – ты молодец: не хвастун, а храбрец!

(в обработке И. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили – были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый, да блин масляный.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал.

Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил – с полей зёрен, из лесов грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варили. Хорошо жили.

Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдохнуть. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашеные считает. А блин у печи – румян да пышен – щи варит, крупной солью солит, кашу пробует. Сядут за стол – не нахваляются.

Воробей говорит: – Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему: – А я, блин масленый, окунусь в горшок да вылезу – вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает: – Ай, каша, ну и каша – горазд горяча!

А мышь ему: – А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю – хорошо в печи огонь горит – вот каша и горяча!

– Да и я, – говорит воробей, – не промах: соберу грибов, натащу бобов – вот вы и сыты! Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали.

Только раз призадумался воробей. «Я, – думает, – целый день по лесу летаю, ножки бью, крыльшки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит – нежится, а только к вечеру за обед берётся. А мышь с утра дрова везёт да грызёт, а потом на печь заберётся, на бок повернётся, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте – на тяжёлой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей – ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать: – Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили.

На другой день утром блин пошёл на охоту, воробей – дрова рубить, а мышонок – обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поёт: Прыг-скок, Прыг-скок, Я – масленый бок, На сметане мешан, На маслице жарен! Прыг-скок, Прыг-скок, Я – масленый бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикевна.

– Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

– На охоту.

– А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте, да и запел: Прыг-скок, Прыг-скок, Я – масленый бок, На сметане мешан, На маслице жарен! Прыг-скок, Прыг-скок, Я – масленый бок!

– Хорошо поешь, – говорит Лиса Патрикевна, а сама ближе подбирается.

– Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей: – На сметане да с сахаром!

А лиса ему: – Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масленый бок – ам!

А блин кричит: – Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами – на охоту!

А лиса ему: – Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да с сахаром.

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался – бок в зубах оставил, домой побежал!

А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, чего ни прибавит, а щи все не жирны, не хороши, не маслены.

«Как, – думает, – блин щи варил? А, да он в горшок нырнет да выплынет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка, да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Щубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льёт.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелки щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слёзы ляет.

Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке – клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу – сидит мышь на лавке, шубка у неё повылезла, хвостик дрожмя дрожит.

Как увидали, что у блина полбока съедено, еще пуще заплакали.

Тут блин и говорит: – Так всегда бывает, когда один на другого кивает, своё дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить. Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

Бугаева Людмила Валерьевна.

«Экологическая сказка о Земле»

В далёком, далёком космосе жила была семья по фамилии «Солнечная система». Это была очень дружная и весёлая семья: шесть братьев: Уран, Нептун, Сатурн, Меркурий, Юпитер, Марс. И две сестры: Венера и **Земля**. Братья были бравые, сильные, могучие, а сёстры, как и все девочки, были очень милые, и романтичные. Сегодняшняя наша **сказка** о самой младшей сестре, по имени **Земля**.

Она была очень красивая, чистая, голубая планета. На ней было много морей, озёр и рек в которых водилось огромное множество рыб. Так же было много лесов и полей, где обитали различные животные. Небо на этой планете было таким голубым, а солнце таким ярким, что каждый живущий на этой планете радовался каждому дню. Вся семья очень любила свою младшую сестру, и она любила их всех. Но больше всего она любила жителей своей планеты, людей.

Люди земли ловили рыбу в реках, охотились на животных в лесах, строили здания, дороги, производили машины, которые ездили по этим дорогам. День и ночь эти машины выбрасывали в воздух огромное количество вредных веществ. И вот однажды вредных веществ стало так много, что наша красивая, голубая планета заболела.

С каждым днем ее здоровье только ухудшалось: начали вянуть цветы, гибнуть животные, сохнуть листья на деревьях, а голубое и чистое небо стало мрачным и серым. А люди так же продолжали ездить на своих шумных, дымящих машинах С каждым днем красота **земли увядала**.

И вот однажды люди наконец то заметили, что трава стала не такой зеленой, что птицы перестали петь, а некоторые животные вообще исчезли с лица **земли**. Да и самим жителям **Земли стало трудно дышать**.

Тут то люди и задумались: «*Что же случилось?*», «*Почему так произошло?*», «*Почему заболела их любимая планета?*».

Жители **Земли** начали проводить различные опыты и исследования, в ходе которых выяснили что причина болезни их планеты в них самих. Проблема заключалась в том, что машины, на которых люди любили ездить, очень сильно загрязняют воздух и он становится непригодным для жизни. Люди начали думать как помочь своей прекрасной **Земле**, как ее вылечить, какое им изобрести лекарство. Долго они думали, совещались и наконец решили вместо автомобилей использовать такой вид транспорта, который не загрязняет воздух: экологический (электромобили, велосипеды, самокаты, а кто то решил стать просто пешеходом.

И через некоторое время **Земля** начала выздоравливать. Снова зацвели цветы, запели птицы, а в голубом небе появилась радуга. С тех самых пор каждый год 22 сентября люди всей **Земли проводят акцию «День без автомобиля»**, призывают всех отказаться от своего «железного коня» хотя бы на один день, что бы их любимая, чистая, голубая планета снова не заболела.

Ирина Левченко. Улыбка Гагарина

Я помню, солнце в этот день искрилось:
Какой был удивительный апрель!
И в сердце радость с гордостью светилась:
Из космоса Гагарин прилетел!

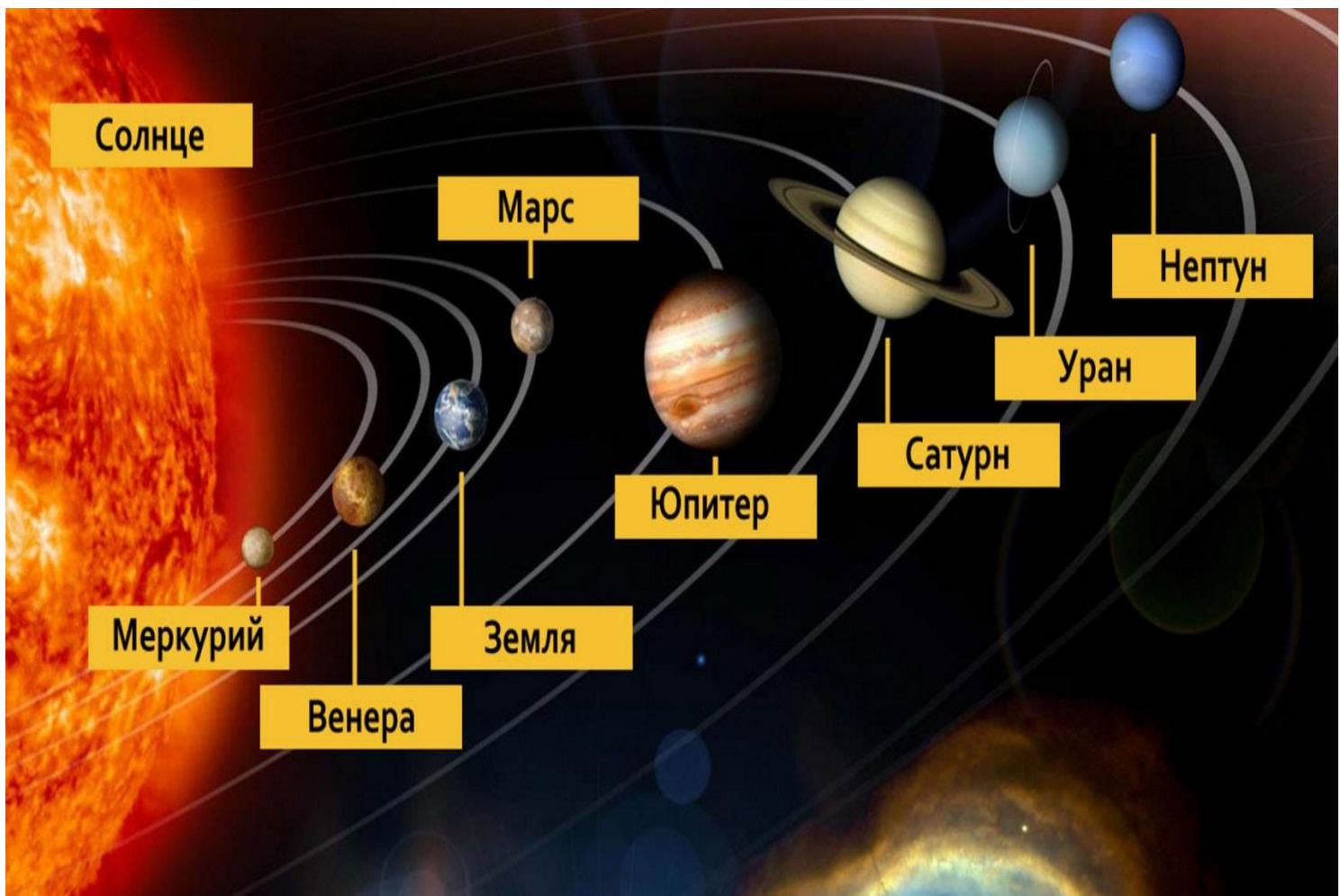
Его все по улыбке узнавали —
Такой улыбки не было второй!
Весь мир рукоплескал! Все ликовали:
Гагарин облетел наш шар земной!

С тех пор приблизились неведомые дали,
Осваивают космос корабли...
А начинал — российский, славный парень,
ГАГАРИН — ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ ЗЕМЛИ!

А. Хайд Все планеты по порядку.

По порядку все планеты
Назовет любой из нас:
Раз — Меркурий,
Два — Венера,
Три — Земля,
Четыре — Марс.
Пять — Юпитер,
Шесть — Сатурн,
Семь — Уран,
За ним — Нептун.
Он восьмым идёт по счёту.
А за ним уже, потом,
И девятая планета
Под названием Плутон.

Владимир Крякин

Юный космонавт

В детстве многие мечтали
В звёздный космос полететь.
Чтоб из этой звёздной дали
Нашу землю осмотреть.

Повидать её просторы,
Реки, горы и поля,
Глянуть в умные приборы,
Доказать – живу не зря.

Полетать по звёздной черни,
Осмотреть леса, моря.
Не наврал ли нам Коперник,
Что вращается земля?

Космонавты, вон, летают,
Возвращаются назад.
Все «героя» получают,
Ходят звёздами блестят.

А, вот, я не понимаю,
Почему я не герой.
Так же, как они летаю,
Я, ведь, парень боевой.

Круглый год, весной, зимою
В космосе летаю я.
А космический корабль мой
Называется - ЗЕМЛЯ!

Иван Бунин

После половодья

Прошли дожди, апрель теплеет,
Всю ночь — туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синеет
В далеких просеках в бору.

И тихо дремлет бор зеленый,
И в серебре лесных озер
Еще стройней его колонны,
Еще свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!

1900 г.

Ирина Левченко. Улыбка Гагарина

Я помню, солнце в этот день искрилось:
Какой был удивительный апрель!
И в сердце радость с гордостью светилась:
Из космоса Гагарин прилетел!

Его все по улыбке узнавали —
Такой улыбки не было второй!
Весь мир рукоплескал! Все ликовали:
Гагарин облетел наш шар земной!

С тех пор приблизились неведомые дали,
Осваивают космос корабли...
А начинал — российский, славный парень,
ГАГАРИН — ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ ЗЕМЛИ!

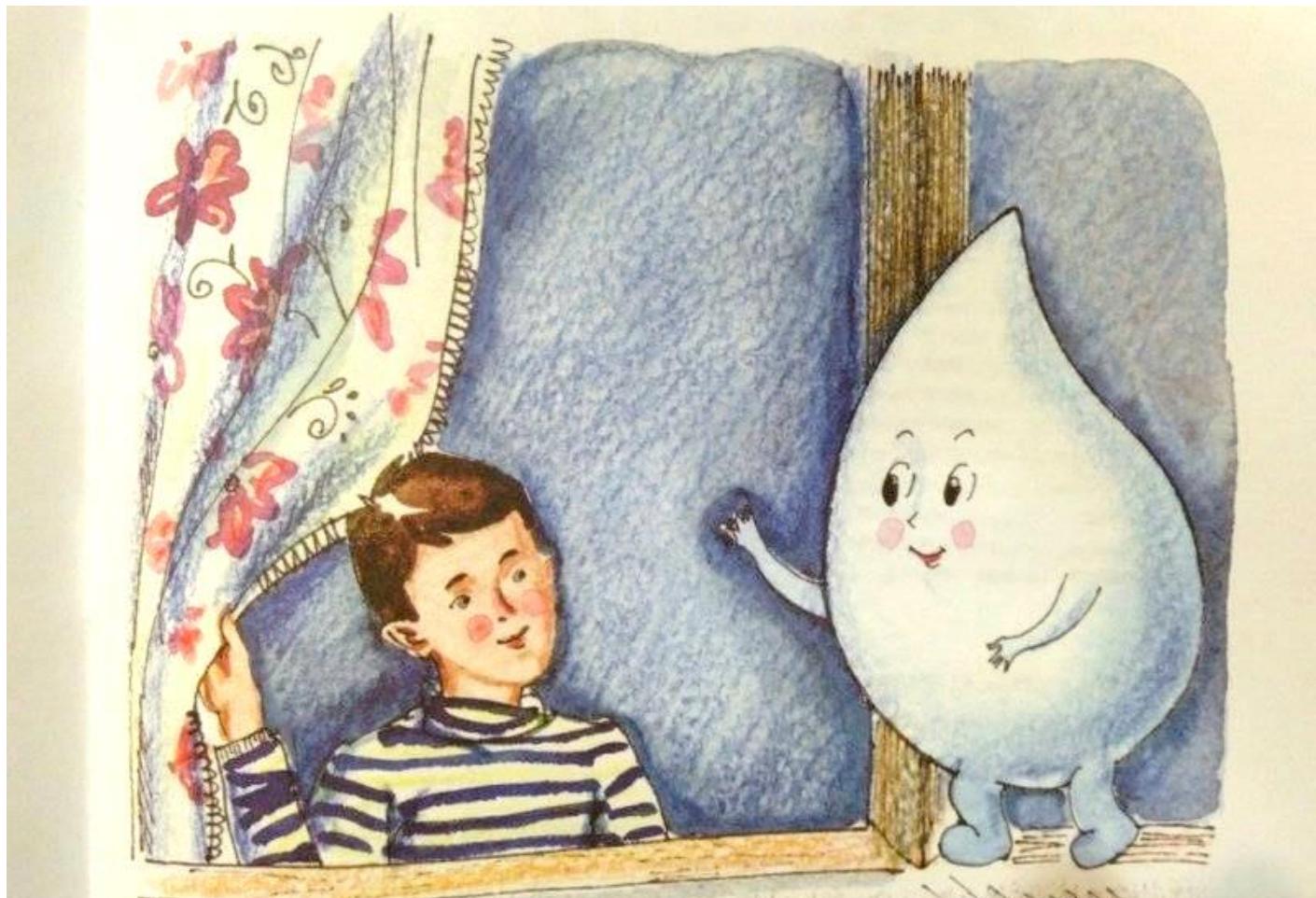
Тимур Максютов - Космические приключения Капельки

Отрывок

Наверное, вы уже знакомы с Капелькой – необычной каплей воды, которая похожа на обычную девочку, очень любознательна и дружелюбна.

У Капельки много друзей, среди них есть и мальчик Иван. Он любит читать книги и узнавать новое.

Как-то раз шёл дождь, и наша героиня постучалась к Ивану в окно. Она соскучилась по своему другу и захотела поделиться с ним новостями. Мальчик открыл форточку и впустил гостью в дом.

– Добрый день, как поживаешь? – спросила Капелька.

– День-то добрый, – согласился Иван, – но поскорей бы он кончился и наступила ночь.

– Зачем ты ждёшь ночь? – удивилась малышка. – Ведь тогда ни погулять, ни поиграть на улице, потому что темно и ничего не видно.

– То, что я хочу рассмотреть, как раз ночью видно лучше всего, – загадочно сказал мальчик.

«Что же он имеет в виду? – задумалась Капелька. – Может, летучих мышей? Или сов? Они днём спят, а ночью летают».

Тем временем Иван подошёл к большой трубе, установленной на треноге у окна. В трубе было отверстие, и мальчик стал смотреть в него одним глазом.

– Ничего ещё не видно, – расстроился он.

— Конечно, — рассмеялась Капелька, — зачем ты смотришь в маленькую дырочку в трубе, когда перед тобой большое окно?

— Это не просто труба, — объяснил Иван, — а телескоп, специальный прибор, который увеличивает изображение. С его помощью можно рассматривать далёкие звёзды или планеты.

— Ах, я видела звёзды! — обрадовалась Капелька. — Они маленькие и бывают только ночью, а днём куда-то прячутся.

— Нет, они только кажутся маленькими, потому что находятся очень далеко. Так далеко, что тебе и вообразить трудно.

Капелька храбро сказала:

— О, я такая воображуля! Я смогу.

— Ну хорошо, давай попробуем. Что самое быстрое в мире?

— Я знаю, — поспешила ответить Капелька, — конечно, ветер!

— Нет.

— Может быть, машина? Самолёт? — гадала Капелька.

— Самое быстрое — это свет. За одну секунду он пролетает триста тысяч километров! Это — громадное расстояние. Пока ты будешь произносить вслух слово «беги!», он успеет тридцать раз пробежать нашу страну из конца в конец, а ведь Россия — самая большая в мире.

— Ого! — поразилась Капелька, — какой резвый.

— Так вот, даже свет, несясь во весь дух, летит к нам от далёких звёзд годы, столетия, а то и миллионы лет. Звёзды, на самом деле, — это гигантские раскалённые шары, которые находятся от нас на громадном расстоянии и поэтому кажутся маленькими. И днём звёзды тоже есть на небе, но их не видно, потому что Солнце ярко светит и затмевает слабые огоньки. Солнце — это такая же звезда, но самая близкая к нам, она даёт Земле тепло и свет. Наша планета Земля, на которой мы живём, тоже огромный шар. Но он гораздо меньше Солнца — настолько же, насколько клюква меньше арбуза. А ты знаешь, почему бывают день и ночь?

Капелька этого не знала, и Иван объяснил ей, что Земля летит вокруг Солнца, да ещё при этом крутится вокруг своей оси, поворачиваясь к светилу по очереди разными боками. На той стороне, которая сейчас ближе к Солнцу, — день. А на обратной — ночь.

— Как же у Земли не закружится голова? — удивилась Капелька, — бежать вокруг Солнца, да ещё крутиться вокруг себя — это весьма трудно!

Ещё Капельке понравилось, что Земля заботится обо всех, поворачиваясь к тёплому светилу разными боками. Ведь если бы наша планета всегда была повёрнута к Солнцу только одной стороной, то на ней никогда бы не наступила ночь, и было бы очень жарко. Озёра и моря высохли бы, рыбам негде стало жить, а животным и людям — нечего пить. Ночь не пришла бы, чтобы все смогли отдохнуть и выспаться. А на противоположной стороне Земли, наоборот, было бы очень холодно и темно, и тамошние жители грустили бы без солнышка. А так всем достаётся солнечное внимание по очереди.

Ирис Ревю

Сказка «Космическое чудо»

Где-то в далекой Галактике жили-были звёзды. Они чувствовали себя счастливыми, потому что были свободными, красивыми и доброжелательными. Они дарили свой волшебный свет просто потому, что родились звездами. Они были горды тем, что являлись частью огромного и волшебного Космоса.

Все звезды чем-то отличались друг от друга. Звезды белого и голубого цвета нрав имели спокойный, а желтые, оранжевые и красные звезды были побойчее.

И вот однажды в космосе случилось чудо. Дело было так. Много лет ничто не нарушало покой звёзд. И вдруг в космическом пространстве появилось нечто — огромное, блестящее. Оно появилось без спросу и неслось на огромной скорости. У звёзд даже рты раскрылись. От изумления они ничего не могли произнести. И только одна маленькая красная звездочка восхищенно сказала:

— Браво!

...В Космосе, как и на Земле, есть свои феи. Они тоже творят волшебство. Одна из космических фей, Чудея, заметила, как маленькая красная звездочка восторженно смотрит на блестящую новинку.

— Хочешь взглянуть на неё поближе? — спросила фея звездочку.

— Это было бы чудесно, — тихо произнесла та.

— Я здесь для того, чтобы творить волшебство, — сказала фея.

Своей волшебной палочкой фея дотронулась до звездочки, и та вмиг оказалась неподалеку от блестящего чуда. Звездочка засмеялась и начала сиять на все лады. А потом пританцовывать.

Вскоре она успокоилась, и долго, с восторгом, смотрела на блестящую диковину. В какой-то момент ей показалось, что оттуда кто-то приветливо помахал ей рукой...

Сидели два приятеля
На берегу реки
И были у них удочки,
И были червяки.

Всё с вечера, конечно же,
Готовили они
И вот теперь друзья сидят
На мостике одни.

Ещё и солнце не взошло,
Но начало светать,
И тут вдруг рыбка начала
У мальчиков клевать.

Идёт карась за карасём
И вот плотва клюёт.
Какой же будет здесь улов,
Ведь рыба так идёт!

Мальчишки рады, знать не зря,
Пришли они сюда,
Ведь дома ждут с уловом их
Друзья и вся родня.

Наварят вкусную уху,
Нажарят карасей,
И угостят тогда родню,
И всех своих друзей!

Подводный мир такой красивый,
Что глаз не оторвать и там,
Какие рыбы и растенья,
Волшебным кажется он нам.

Там жизнь своя, закон подводный,
Негласный, но он есть такой,
Все соблюдают непременно.
Там мир особенный, другой!

Владимир Орлов
Я рисую море

Я рисую море,
Голубые дали.
Вы такого моря
Просто не видали!

У меня такая
Краска голубая,
Что волна любая
Просто как живая!

Я сижу тихонько
Около прибоя —
Окунаю кисточку
В море голубое.

Что такое море?

Что такое море?
Чайки на просторе.
Скалы-великаны,
Холодные туманы.
Волны трёхэтажные,
Моряки отважные.
Акулы зубастые,
Киты головастые.
Камней подводных глыбы,
Диковинные рыбы.
Кораллы, осьминоги,
Медузы и миноги,
А на дне темно,
Как в кино...

Л. Зубаненко

Вот оно какое море!
Разноцветно-голубое
Волнами шумящее,
чайками кричащее,
чистое, солёное,
тёплое, рифлёное
С небом обнимается,
Солнцу улыбается!..

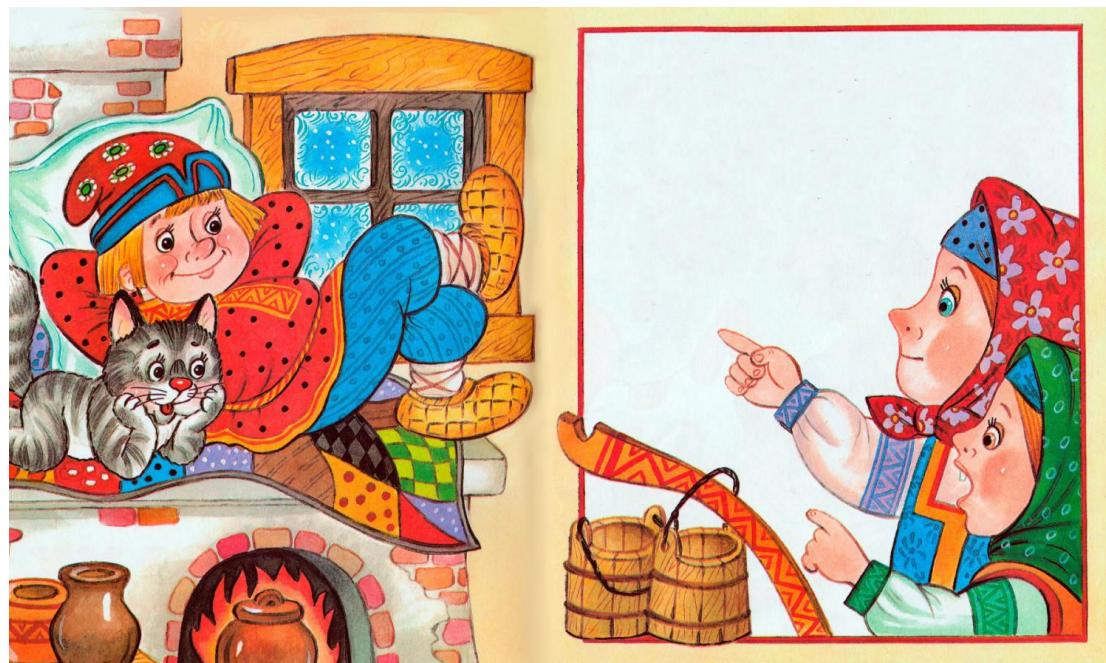
По щучьему велению

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посыпать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

«По щучьему велению, по моему хотению».

Емеля и говорит:

— По щучьему велению, по моему хотению — ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается...
Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.
— Неохота...
— Не нарубишь дров, братя с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему велению, по моему хотению — поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскоцил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?
— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?
— Мне неохота...
— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел во двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему велению, по моему хотению — ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народа помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему велению, по моему хотению — топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дрова, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насили поднять. Сел на воз:

— По щучьему велению, по моему хотению — поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народа, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему велению, по моему хотению — ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскоцила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посыпает за ним офицера — его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему велению, по моему хотению — дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилиу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелем, и посыпает своего самого набольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емеля, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный каftан посулят, — тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему велению, по моему хотению — ну-ка, пе́чь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и пе́чь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на пе́чи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народа подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидел ее в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему велению, по моему хотению — пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емелю скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емело живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емело и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелошка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему велению, по моему хотению — ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелошка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему велению, по моему хотению — выстройся, каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему велению, по моему хотению — стать мне добрым молодцем, писанным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?» Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелью — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Сказка о рыбаке, рыбке и подводном царстве

Дедушка Ваня спросил:

– Хочешь, Анечка, я расскажу тебе сказку о рыбаке и рыбке?

– Нет, – сказала Анечка, – я эту сказку хорошо знаю, её Пушкин написал!

– А я тебе совсем новую историю расскажу, которая произошла со мной самим, когда я на свою последнюю рыбалку пошёл.

– Тогда рассказывай! – сказала Анечка и устроилась поудобнее.

– Так вот, – начал дедушка Ваня:

Каждое лето провожу я со своей Акулиной не на берегу синего моря, а на берегу озера – большого-пребольшого! Домик у нас там есть маленький.

И надо отметить, что живём мы с Акулиной вместе уже все тридцать лет и три года и ни разу меж собой не ссорились. Всё у нас – по любви и по согласию!

Однажды встал я рано, до рассвета ещё. Собрал снасти свои рыболовные – и на рыбалку пошёл.

Вышел из дома – красота вокруг! От озера туман поднимается! Дорожка к озеру под гору спускается – ноги словно сами собой идут! Радостно на душе!

А тут и солнышко восходить начало! Всё вокруг лучиками осветило, обогревать и украшать природу стало!

Каждая росинка в свете солнышка сиять начала: как бриллиант или даже ещё лучше!

А туман делал всё вокруг – словно волшебным!

Подошёл я к берегу, лодка у меня стоит, цепочкой прицепленная, ждёт меня. Отомкнул я замок, вёсла в уключины вставил, отчалил...

Озеро у нас – большое-пребольшое! Как ко мне в гости приедешь – сама увидишь!

Ветерка даже малейшего нет! Туман – как парок сейчас над моей чашкой с чаем – так и от поверхности озера туманчик лёгоночек поднимался.

Гладь озёрная – словно зеркало огромное-преогромное!

И облачка, солнышком восходящим освещённые, в воде отражаются.

А дно сквозь воду прозрачную – на глубину большую видно.

Плыту тихонько, любуюсь!

Там, под лодкой, песочек и камушки видны на дне. Как водоросли растут – рассмотреть можно. Рыбки мелкие стайками проплывают, серебристыми чешуйками сверкают.

Тут уже и птички просыпаться стали. Над водой ласточки летают низко-низко, мошок для деток своих ловят. И чайки – тоже не высоко парят и рядом с лодкой моей пристраиваются.

Вот, закинул я удочку. Сижу и жду: кто на мой крючок сегодня попадётся? Да не клюёт ни одна рыбка...

А я – и не огорчаюсь: ведь так благостно вокруг!

Сидел я так, сидел – и задремал...

... Вижу: поплавок вдруг запрыгал и утонул, леска натянулась! Видно, рыбина огромная на крючок попалась – и потянула даже лодку за собой! Я двумя руками за удочку ухватился...

Вот так мы и тянем: я – рыбину на воздух, она меня – под воду! Кто кого!

И случилось так, что рыбина эта меня так сильно дёрнула, что я равновесие потерял, под воду попал и ко дну пошёл, потому что одежда на мне была тяжёлая: плащ брезентовый и сапоги резиновые высокие.

Ну вот, думаю, конец мне и пришёл: утону сейчас! Прежде – я всех рыб был сильнее и всех их из царства их подводного вытаскивал на воздух, где они дышать не могли и умирали. Стало быть, теперь мой черёд настал под водой погибнуть, где я дышать не могу...

Но вот тут-то – чудеса и начались!

Очнулась прямо перед моим лицом та рыбина, которую я на крючок поймал. Только теперь наоборот вышло: это она меня поймала и на дно затянула! Это был сом огромный-преогромный! Я таких большущих никогда не видел!

Смотрим мы с ним друг на друга. У меня глаза широко открыты от удивления – и у него глаза широко открыты! У меня усы – и у него усы! Только у него в губе – мой крючок торчит. А рук у него нет, чтобы тот крючок вынуть. И кровь у него течёт. И больно ему.

И говорит сом мне тогда:

– Вынь крючок: ведь больно мне!

... А как он говорит, я не слышу, а что говорит – то понимаю чудесным образом...

... Я тут – крючок вынул аккуратно.

Жду, что дальше будет.

А сом мне и говорит:

– Хотел я погубить тебя, за то зло, что ты моему рыбьему царству причинял! Но вижу, что есть в тебе ещё доброта!

Потому-то – ты пока жив.

Так и быть, отпущу тебя теперь, если пообещаешь никогда больше не губить рыб – ни больших, ни малых!

Тут я ему пообещал, потому что очень проникся я тем, как рыбкам больно от крючков рыболовных и как им раньше срока, природой отпущенного, умирать не хочется.

А ты ведь знаешь, Анечка: если я что пообещал – то всегда в точности исполняю! Слову своему я верен! И ни за что его не нарушу!

Видно, сом тоже про мою верность слову прознал, потому как мы с ним мысли друг друга словно слышали – и так друг другу мыслями и отвечали.

И говорит он мне:

– По закону нашему рыбьему, за решение твоё доброе – исполняются три твоих желания. Какое подумаешь желание – так тому и быть!

Ну, с первым желанием понятно: если не хочешь в подводном царстве оставаться навеки, то должен ты пожелать очутиться в лодке своей или на берегу.

А ещё два других волшебных желания – за тобой останутся. Не потрать их попусту!

Тут я поблагодарил сома и представил, что я уже в своей лодке очутился, будто бы ничего и не произошло. Сильно-сильно я это представил!

И точно: очнулся я в лодке своей, будто б ничего того и не было.

* * *

– Ты, наверное, заснул – и сон тебе привиделся такой! – говорит Анечка.

А дедушка Ваня отвечает:

– Точно так и я подумал: заснул, видно, – вот и привиделся сон чудной. Только вот, удочки-то – нигде нет!

– Так ты её обронил во сне!

– Я и так тоже думал! Стал искать: не застряла ли где она в зарослях тростника – да так и не нашёл.

– А одежда на тебе мокрая была или сухая? – спросила Анечка.

– Одежда – сухая оказалась. Но ведь я себя в лодке – в сухой одежде представил. А то ведь – в мокрой одежде несподручно и холодно!

Вот и выходит, стало быть, что первое чудо исполнилось.

Ну, я тоже сам-то не очень-то в то чудо поверил: что на дне был, с сомом разговаривал...

Взял вёсла, к берегу гребу.

Причалил, а сам думаю: «Как же мне к моей Акулине с пустыми руками возвращаться? Из чего она суп сварит?»

И подумалось мне, что набрать бы мне теперь грибов белых, да таких, чтоб и красивые на диво, и крепкие, и большие, и вкусные, и чтоб – не меньше десяти штук!

Не успел такое подумать, как смотрю – в кустах прибрежных, вроде бы, гриб белый стоит.

Подошёл поближе – точно!

Как есть – красавец-раскрасавец – большой и крепкий! Прошёл ещё два шага –
ещё гриб!

Так они цепочкой вдоль берега и росли: все десять, один другого больше!
Поискал ещё – больше нет.

Скажешь – не чудо? Но таких больших и красивых грибов я никогда ещё не
находил!

Пошёл домой довольный: и суп знатный получится, и нажарить останется!
Порадуется моя Акулина!

Иду, размышляю: совпадение это было – или чудо?

Стал дальше думать: «А как, если и в самом деле – чудо? Что тогда третьим
желанием загадать?»

Пришёл домой. Акулине моей про всё рассказал.

... Поели мы суп грибной и стали рассуждать: что бы нам такое ещё загадать?

Думали-думали, а придумать не можем.

Всё у нас с ней есть, вроде бы. И домик недалеко от озера, и грядочки рядом
огородные. Домик, правда, маленький: одна комната, в которой только-только
кровать наша, стол, два стула и печурка умещаются. Но зато и хлопот с нашим
домиком мало!

Вот и не можем мы с ней придумать: чего бы такого пожелать? Что есть – то и
хорошо, а чего нет – того и не надо!

А тут к нам мальчик соседский Петя зашёл.

Акулина давай его супом грибным угощать! Жалела она Петю и всегда
накормить старалась. Потому, что мальчик этот – словно сирота рос, хоть и при
живых родителях. И болел он сильно, и я с ним не один раз в город ездил к
докторам. Да только они говорили, что ему нужно операцию за большие деньги
делать. А у родителей его – на еду-то денег не всегда хватало, потому что они
деньги все на водку тратили. И у нас с Акулиной – только пенсии наши
маленькие. Хоть всю оставшуюся жизнь откладывай – не собрать и малой части
тех денег, которые на такую операцию просят.

Д. Пирожков
Говорящее море

Поучительная сказка о том, как глубокое море заговорило и очень удивило недоверчивых мальчиков, решивших проверить то, а умеет ли разговаривать морская пучина. Также мы через терапию сказки расскажем почему нельзя мусорить.

Маленький Коля жил в небольшом домике у самого моря. Каждый вечер вместе с папой мальчик приходил на берег, а когда совсем темнело, они ложились на теплую гальку и рассматривали звезды. Папа рассказывал о каждом созвездии, истории были интересные и захватывающие. На небе светила яркая луна, а вокруг не было ни души. И только слышно было, как ветер завывал и словно пел грустную песню.

Однажды, когда наступило лето, Коля, проснувшись, вдруг подумал:

Интересно, а умеет ли море разговаривать?

Мальчик очень любил сказки, читал много книжек, и в некоторых из них море умело говорить человеческим голосом.

Недолго раздумывая, Коля решил проверить. Он быстро оделся, почистил зубы, попил чай с еще теплыми булочками, которые для него испекла мама, и вышел из дома.

А куда это ты в такую рань собрался?

Спросила мама мальчика.

Коля решил не говорить, что он задумал. Ведь мама и папа никогда не разрешали ему уходить на берег моря одному. Море часто бушевало, и поднимались такие волны, что доставали почти до самого забора, который окружал Колин дом.

Я — никуда.

Замялся мальчик.

Просто решил посмотреть на улицу, вдруг мои друзья уже проснулись и гуляют. В этот момент раздался звонкий голос:

Привет, Колька!

Это был его одноклассник — Никита. Мальчики вместе сидели за одной партой и иногда гуляли на улице. Но Никита был совсем другим — он не любил учиться, прогуливал занятия, не любил читать и всегда грубиянил. А еще Никита всегда разбрасывал на улице фантики от конфет, обертки от мороженого, он всегда сорил и никогда за собой не убирал.

А что ты делаешь?

Спросил Никита у Коли.

Я хотел быстренько сходить на берег моря и узнать, умеет ли оно разговаривать. Однажды, в одной из сказок, море говорило человеческим языком, и я...

Не успел продолжить мальчик, как Никита его перебил:

Ух ты, и я с тобой хочу, пойдем вместе! Только мне нужно зайти домой и собрать с собой корзинку в дорогу — конфеты, печенье и компот.

Коля обернулся назад, мама крутилась на кухне, а папа занимался своими делами по дому, и никто не видел, что Коля собирается уходить.

Мальчики сорвались с места и побежали к Никите. Собрав все самое необходимое, ребята пришли на берег, расстелили покрывало и уселись, разложив перед собой конфеты и печенье.

Ну что, давай с ним разговаривать?

Спросил Никита.

С кем?

Удивился Коля.

Ну как с кем — с морем! Ты же сам говорил, что оно умеет говорить. Вот и проверим, ответит оно нам, или нет. — Эй, ты, море! Чего молчишь, что язык проглотило?

Посмеиваясь, прокричал Никита.

В ответ лишь тишина.

Молчаливое темное болото.

Продолжал Никита дразнить море.

Ты, оказывается, не умеешь разговаривать, а в сказках про тебя врут.

Никита, а может не нужно его обижать! Мало ли, вдруг оно все слышит?

Испугался Коля.

Да ничего оно не слышит!

Прокричал Никита и кинул в воду обертку от конфеты. Потом еще одну, и еще одну.

И друг поднялся страшный ветер, все вокруг закружило, корзину со сладостями подняло вверх и унесло в далекую даль.

Никита, надо уходить домой. Сейчас поднимется такой шторм, что нас затянет волнами!

Испуганно кричал Коля.

Ох ты и трус!

Смеясь, прокричал Никита.

Ничего оно нам не сделает!

И вдруг, обернувшись, мальчики увидели огромную волну, которая приближалась к ним очень быстро. Не успев одуматься, ребята оказались в круговороте воды.

Прошло несколько секунд, и мальчики потеряли сознание.

Где мы?

Очнувшись и открыв глаза опешил Коля.

Вокруг все было синим, наполнено водой. Возле мальчика проплывали разноцветные рыбы: большие морские окуньи, камбала, ерши, и даже рыба-игла кружила вокруг него. Водорослями заросло все вокруг, а сушки не было видно нигде.

Никита, очнись!

Прокричал Коля.

Мы где?

Никита, очнувшись, отпрыгнул в сторону:

По-моему мы спим!

Добро пожаловать в мои владения!

Вдруг послышался громкий, пронзительный голос.

Ну как вам в моих водах?

Кто ты?

Испуганно прокричали мальчики в один голос.

Ха-ха-ха, кто я! А зачем вы приходили на берег? Чтобы послушать голос моря? Так вот я — Море!

А разве море умеет разговаривать?

Удивленно прошептал Никита и посмотрел на Колю.

Конечно, умеет!

Смеяясь, проговорило Море.

А зачем мы здесь? Что ты с нами будешь делать? Зачем ты нас сюда заточило?

А кто кидал в меня мусор?

Спросило Море.

Какой еще мусор?

Возмутился Никита.

Фантики? Так разве ж это мусор? Это просто красивые бумажки! Я специально хотел тебя украсить, а то ты все такое мрачное, темно-синее.

Разве можно загрязнять море? Ведь из-за таких бумажек и другого мусора может погибнуть все живое, что во мне есть. Не будет ни рыб, ни водорослей, и тогда и на земле наступит гибель, ведь без меня нет жизни всему живому на земле!

А ведь и правда, нельзя загрязнять море. Мы же учили это в школе!

Прокричал Коля.

Никита, что теперь будет?

Испуганно прокричал Коля.

Пообещайте мне, что никогда больше так не сделаете, и никогда не станете загрязнять морские глубины!

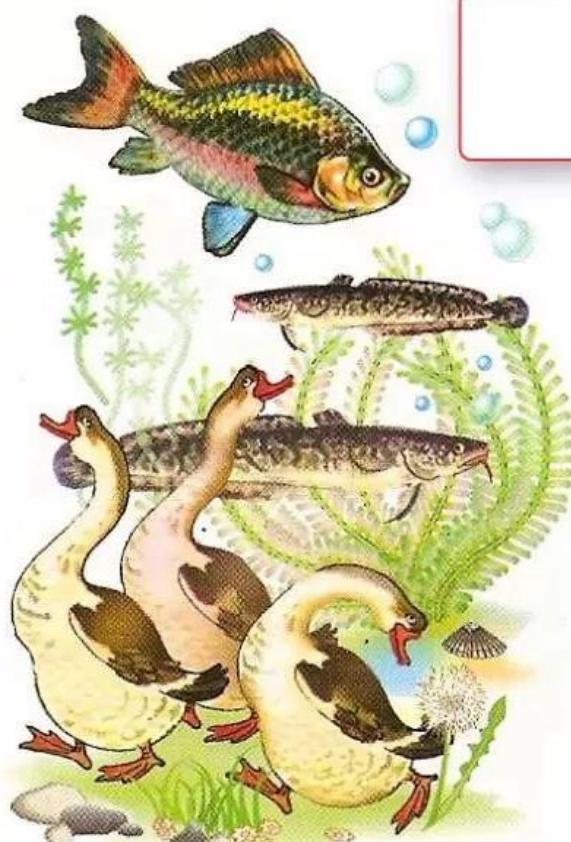
Обещаем, обещаем! Никогда, слышишь, не станет выбрасывать мусор в твои владения! А еще, я стану хорошо учиться и буду знать, что можно делать, а чего делать нельзя!

Вокруг все забурлило, закружились, водоворотом подхватило мальчиков и в одно мгновение выкинуло на сухой берег. И даже одежда у них была сухая, будто ничего с ними и не произошло.

Коля и Никита посмотрели друг на друга, а потом пообещали, что никогда никому об этом не расскажут. С тех пор они никогда не тревожили морские пучины.

На самом деле море умеет разговаривать, только не каждый об этом знает. Читайте сказки, относитесь бережно к природе, ведь именно благодаря ей на земле существует все живое и прекрасное.

Докучные сказки

Жил-был карась,
Вот и сказка началась.
Жили-были два налима,
Вот и сказке половина.
Жили-были три гуся,
Вот и сказка вся.

Лазарева Лидия Андреевна, учитель начальных классов, Рижская основная школа «ПАРДАУГАВА», Рига, 2009

Ирис Ревю

Сказка про водное царство

В водном царстве, в морском государстве, жила-была интересная рыба. Выглядела она необычно. Тело с боков сжато, а голова заострена. В тени она была коричневой, а на солнце – светло-бурой. Когда она плыла, то наклоняла голову вниз, как будто высматривала что-то.

В морском государстве рыб было видимо-невидимо. Днем и ночью они плавали, ныряли, плескались. А та рыба, которая часто что-то высматривала, была задумчивой, тихой. Так случилось, что даже имени своего рыба не знала.

— Кто я? Как меня зовут, кто мои родственники? – часто думала она.

Ей очень хотелось об этом кого-нибудь спросить. Но, во-первых, она справедливо опасалась быть съеденной. Задашь вопрос – а тебя ам! И съели!

А, во-вторых, она стеснялась задавать вопросы. Так тоже бывает!

Мимо нее проплывали рыбы – солидные, величавые. Они делали вид, что очень спешили по своим важным рыбьим делам.

А безымянная рыба спешить не любила. Она считала, что чем медленнее, тем вернее.

Но!

Из-за того что она не спешила, она рисковала стать добычей хищников. Они-то были проворными! И от них нужно было уметь прятаться.

Однажды случилась такая история. Морской царь, повелитель морей и океанов, отправился по своим владениям на раковине, запряженной морскими кошками.

По дороге его верные кошечки запутались в пучках морских водорослей. Рассердился водный царь, зашумел, замахал яростно. И начался на море шторм.

Шторм на море, волны дыбом,
Велики, подобны глыбам!
И шумят. Земля трепещет,
А вода на берег хлещет!

Из-за шторма на дне моря началось сильное волнение. Испуганные жители водного царства не находили себе места. Безымянная рыба спряталась между листами какого-то растения.

Когда царь успокоился, шторм утих. Морские обитатели вновь устремились куда. Безымянная рыба, спрятавшаяся между листами растения, долго оставалась незамеченной. Но покинуть укрытие ей всё-таки пришлось. Наступило время обеда.

Она вдоволь наелась мелкой рыбешки, а потом снова приплыла к растению, и стала как будто бы одним из его листочков. И тут ей в голову пришла мысль о том, что хищники не беспокоят ее.

— Ага, значит, они не отличают, где лист, а где я. Я очень похожа на лист. Я — рыба-лист! — догадалась она. — Есть рыба-капля, рыба-попугай, а я — рыба-лист.

Радость её была безграничной. Наконец-то она выяснила свое происхождение. Она – не какая-нибудь морская мелочь, а важный житель подводного царства.

С тех для рыбы наступили хорошие времена. Она – рыба-лист, а морское растение – ее надежное укрытие.

Вот как важно знать, кто ты есть на самом деле!

...На суше и в воде все погружаются в сон. Когда-то давно морской царь издал указ. В нем он заметил, что все должны спать спокойно, и видеть только счастливые сладкие сны.

В подводном лесу. Сборник рассказов

Под водой

В подводном мире всё не так, как у нас на земле.

Передвигаться там нужно не стоя, а лёжа. Там очень трудно шагать, но зато просто летать. А прыгать там можно даже вниз головой.

Руки и ноги в этом мире становятся на треть короче, а рыбы, раковины и водоросли — на треть своего роста длинней. Вода сплющивает расстояния и увеличивает предметы.

В подводном мире никогда не бывает дождя и снега. На небе там не звёзды, не тучи, а волны. Между волн перекатываются пузырьки воздуха — блестящие, как звёздочки!

Зимой там не бело, а черно: всю зиму непро-глядная ночь.

Там нет горизонта — черты, где земля сходится с небом.

По земле подводного мира не скачут весёлые солнечные зайчики. Там колышутся широкие солнечные ленты — отсветы волн и солнца. Лиловые тени от красных кустов лежат на зыбкой серой земле. Мягкая зелёная дымка заволокла всё во-круг — нет ни резких теней, ни острых углов.

Всё неверно, призрачно и таинственно.

Всё не так, как у нас на земле.

Я еле дождался лета: так не терпелось спуститься под воду и увидеть рыб.

Наши озёрные рыбы — не диковина. Ерши, плот-ва, окунь, щуки — кто их в руках не держал?

Но одно дело — рыба в руке, а другое — в во-де. В воде рыба дома, там она живёт. А в руке рыба снёт — умирает.

У снулой рыбы даже цвет неживой—блёклый.

Рыбаки говорят, что снулая рыба вянет.

А то ли дело рыбы живые! Яркие, быстрые, резвые.

Кому на таких посмотреть не охота!

На лицо я надел водолазную маску.

Ноги сунул в резиновые ласты.

Стал я похож на одноглазую лягушку. И, как лягушка, нырнул в воду.

Пятое имя

Плотвицы совсем как ласточки: стройны, быстры, непоседливы. Но цветом они на ласточек не похожи.

В воде плотвицы кажутся серыми, и рыбаки иногда называют их за это серянками. Или крас-нопёрками— за красные плавнички.

Плотвицы всегда в движении. То серыми тенями шныряют между водорослей, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвёртое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную поляну. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплы়ёшь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыбаки зовут плотву красноглазкой.

Сколько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

Но будь моя воля, дал бы я плотвицам пятое имя — водяная ласточка. Уж очень

они резвы и ловки. И хвост, как у ласточки, вилочкой.

Плотвицы всегда в движении. То серыми те-нями шныряют между водорослей, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвёртое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную поляну. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплы঱ешь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыбаки зовут плотву красноглазкой.

Сколько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

Но будь моя воля, дал бы я плотвицам пятое имя — водяная ласточка. Уж очень они резвы и ловки. И хвост, как у ласточки, вилочкой.

Подводные ежи

В ерше, как и в еже, заметнее всего — колючки.

Голова, хвост, посередине колючки — вот и весь ёрш.

И ещё глаза: лилово-синие, большие, как у лягушки.

Ростом ёрш — с мизинчик. А если с указательный палец, то это уже ершовый старик.

Напугали меня эти старики. Плыту и вижу: дно зашевелилось! Зашевелилось и уставилось на меня точками тёмных глаз.

Это ерши — старики к старику! Сами-то незаметны: хвосты, головы, колючки — всё такое же пятнистое, как дно. Видны одни глаза. Я повис над ершами, свесив ласты.

Ерши насторожились. Пугливые вдруг стали падать на дно, выгибаться и нарочно поднимать облачка муты.

А сердитые и отважные взъерошили на горбу ко-лючки— не подступись!

Как ястреб над воробьями, стал я кружить над ершовой стаей.

Ерши выжидали.

Я стал похрипывать в дыхательную трубку.

Ерши не испугались.

Я вытаращил глаза — им хоть бы что!

Тогда я... чуть не сказал: «Плюнул на ершей»... Нет, я не плюнул, под водой ведь не плюнешь, — а махнул на ершей ластом и поплыл прочь.

Да не тут-то было!

От резкого взмаха ластом со дна взмыла и за-вихрилась муть. Все ерши устремились к ней: ведь вместе с мутью поднялись со дна вкусные червячки и личинки!

Чем быстрее я работал ластами, торопясь уплыть, тем больше поднимал со дна ила.

Тучи ила клубились за мной, как тёмные гро-зовые облака. За тучами тянулись стаи ершей.

Отстали ерши только тогда, когда я выплыл на глубину. Но на глубине мне стало не по себе. Я ещё не привык к глубине, — это были ведь ещё мои первые шаги под водой.

Дно опускалось всё глубже и глубже. А мне казалось, что я лечу над землёй и взмываю всё выше и выше. Так и хотелось за что-нибудь ухва-титься, чтобы не грохнуться с этакой высоты!

Я повернулся назад.

Вот опять заросли. В зарослях ерши. Вроде и веселей: всё живые души!

Ерши-мизинчики плавают в полводы, а стари-ки— на дне. Теперь я нарочно поднял ластами муть. «Старики» и «мизинчики», как воробы на просо, кинулись на неё.

Я уже больше не пугаю ершей: не хриплю в трубку, не таращу на них глаза.

Просто смотрю.

И потому даже самые пуглиевые больше не па-дают на бок, чтобы поднять со дна муть и спря-таться в ней. А самые сердитые не топорщат ко-лючки на горбах.

Покладистые ребята. Колючки в ершах хоть и самое заметное, но не самое главное!

Рыбята

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных по-лянках растут длинные и тонкие водоросли, похо-жие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глу-бины выплывают мальки — принять солнечную ванну. Мальки толкуются на поляне, как комары- толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой—будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекочут лёгкие «дождинки». Мальки заглядывают в маску, виляют хвостиш-ками у самого носа. Но поймать их так же не-возможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям — и висят как блестящие ро-синки.

Жадные хвают комаров с водяного неба, а лю-бопытные даже высовывают свои носы в наш мир.

Пронеслась однажды над водой мотыльковая метель. Легкокрылые подёнки устлали воду белы-ми крылышками. Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их головами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище. Это была... ласточка! Она подхватывала упавших на воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбята, как и все ребята, не любят уны-вать. Унеслась ласточка — все сразу за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт; кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны. Колышутся по дну широкие жёлтые ленты-блики.

Между волн перекатываются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блес-тящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

Рыцарь

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубатые щуки. И вдруг накинулся малыш, ростом с палец! Тело его защищено широкими блестящими пластинка-ми. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец — три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колю-чек и бесстрашно встал на моё пути. Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока — как серебро, а щёки малино-вые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, ткнул палец трезубцем, и из пальца вязкой струй-кой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого рого-листника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смело-го рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его был размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый: с одной стороны вход, с другой — выход. А в домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому. Грозя колючками, он бросался даже на больших рыб. Вот проплыла над домиком, изви-ваясь, как чёрная лента, пиявка. Рыцарь весь по-багровел, вцепился в пиявку зубами и стал тре-пать её, как треплет собака крысу. Водяного скорпиона он схватил за клешню, уволок под ши-рокий лист кувшинки и там выплюнул.

Ни на миг он не забывал о врагах. Даже про-плывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он сразу «менялся в лице», глаза его зеленели, и на скулах выступали красные пятна. Даже белый живот краснел от гнева.

По цвету живота можно было сразу узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем, и с великаном-чело-веком.

Кто бы мог подумать, что даже простая колюшка становится рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-папа сторожил свой дом.

Колюшка-папа очень заботливая рыбка — не то что колюшка-мама. Колюшка-мама отложит ик-ру — и поминай как звали. А колюшка-папа икру стережёт. А потом пасёт своих непоседливых колюшат. Самых бойких и непослушных, убега-ющих из дома, он хватает ртом, тащит назад и выплёвывает прямо в дверь.

Говорят, что если разорить колюшкун дом, то колюшка-папа от горя бледнеет — совсем теряет свою яркую боевую окраску. И даже перестаёт есть.

Мне совсем не хотелось, чтоб такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной. Я вы-брался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего домика.

Голубой рак

Всем известно, что рак красный. Даже го-ворят: «Красный как рак!» Но красным рак становится только в кипятке. Живой рак бу-рого цвета. Это тоже всем известно.

Но вот известно ли кому, что среди обыкно-венных раков встречаются голубые?

Однажды летом я поймал такого в Грязной речке. Всё у него, как у бурого рака: клешни, гла-за на стебельках, раковая шейка. А цвет — голубой-бой!

Панцири обыкновенных раков всегда под цвет тёмного дна, а этот голубой, как весеннее небо. А что, если и его в кипяток, каким тогда станет? Неплохо бы сварить. Ракоеды говорят, что в те месяцы, в которых нет буквы «р» — летом — раки особенно вкусны!

И всё-таки я голубого рака не сварил, пожалел. Выбросил обратно в речку. Ведь может, это всем ракам рак. Может, от него вся порода рачья пере-менится. Может, не будут они, как водяные кры-сы, прятаться по тёмным норам, не станут пятить-ся задом. Может, поднимутся с тёмного дна к под-водному небу и заживут среди ярких и красивых рыб. И может, нашу Грязную речку все назовут тогда — речка Голубых раков!

Так что вот: не все раки бурые.

Бывают и голубые.

Да будет и вам это известно!

Рыбьи пляски

До восхода висело над горизонтом лиловое облачко с огненным ободком. Солн-це поднялось багровое, и всё — земля и небо — окрасилось в красный цвет. Сижу под ивовым кустом с узкими красными листьями. Над головой свистят крыльями утки, и крылья у них розовые.

Необыкновенный рассвет!

Красные волны дробятся в красной реке. Алые клубы пара шевелятся над волной.

Чёрные чайки с криками мечутся в вышине, как чёрное вороньё над заревом пожара. Будто обожжённые, они заламывают крылья и падают в горящую реку, выплёскивая снопы искр.

Всё ближе чайки, всё резче их крики.

И вдруг из красных волн стали выпрыгивать чёрные рыбки. Узкие, как листики ивы. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают в красную воду. Вот вылетел целый косячок и рассыпался веером. Вот опять: одна за одной, одна за одной.

Рыбы пляски!

Гляжу во все глаза.

Неужто и рыбья кровь вспыхнула в это удивительное красное утро?

А посреди реки, в сутолоке волн, движутся два чёрных пятнышка: пятнышко поменьше и пятнышко побольше. Из воды торчит плоская головка да спина горбинкой. Выдра! Вот нырнула, будто рас-таяла, а из воды тотчас выметнулись рыбки и за-плясали: вверх-вниз, вверх-вниз!

Чайки увидали—упали, заломив крылья. Стали хватать рыбок прямо на лету.

Всё сразу стало обыкновенным.

Солнце поднялось, и чёрные чайки стали белыми, чёрные рыбки—серебристыми, красная вода—серой. Лиловое облачко на горизонте шевельнулось и растаяло.

Хищники—чайки и выдра — вслед за пляшущими рыбками скрылись за поворотом реки.

А я лежал у коряги и записывал то, что видел. Начал писать на красном листочке, а кончил на золотом.

Осень под водой

Вы купаетесь — раздеваетесь, а я купаюсь — одеваюсь. Надеваю тёплое бельё, тёплые брюки и тёплую куртку. На ноги натягиваю шерстяные носки, а на руки—шерстяные перчатки.

Поверх всего—резиновый костюм.

На лицо маску, на ноги ласты — и в воду.

Вы купаетесь летом, а я купаюсь и поздней осенью. Смотрю, какая осень под водой.

Холодно осенью в подводном лесу. Бешеный ветер гонит поверху злые волны.

Жёлтые тростники клонятся над водой, будто заглядывают в глубину.

А в глубине всё в движении. Ёрзают по дну утонувшие листья. Покачиваются обомшёлые тростники. Набухшие брёвна-топляки переваливаются с боку на бок, как поросыта.

Над озером высокое синее небо. На берегах берёзки — горящие свечи. Чёрные строгие ели. Трепетные красные осинки. Золотая осень.

А в подводном лесу золотой осени не бывает. Осень под водой всегда хмурая. Стынет от воды лицо. Не шуршат листья, не посвистывает ветер. Вокруг пустынно и глухо.

Ветви водорослей поломались, поникли, обвисли. Всё поблекло и покрылось густым слоем мути.

Не играют быстрые блестящие рыбки. Рыбы опустились в тёмную глубину. Лягушки сбились в кучу и зарылись в густой ил. Одни зеленоглазые щуки быстро уходят, поднимая хвостами муть. Длинные тонкие водоросли шевелятся, как ленивые сонные змеи...

Землю скоро укутает снег — наступит белая зи-ма. А воду затянет лёд. И под водой настанет долгая ночь — чёрная зима. И на земле и под водой все с нетерпением будут ждать прихода зелёной весны.

Шепот рыб

Когда первый раз заглянешь под воду, то хочется только смотреть и смотреть. Но оглядишься — и уже хочется вмешиваться в жизнь подводного мира: хочется рисовать, фотографировать. Но больше всего хочется узнавать. К тебе подплывают рыбы, рты их открываются и закрываются, будто они что-то шепчут...

Чтобы приучить к себе рыб и понять их язык, я устроил под водой сад. Я опустил на дно ёлочки и укрепил их большими камнями. Расчистил песчаные аллейки и обсадил их деревьями-водорослями. Под водорослями разложил большие раковины.

Ночью я зажигал в саду фонарь, рыбы заворачивали ко мне на огонёк и танцевали, и порхали вокруг фонаря, как ночные бабочки.

На песчаной полянке я вбил кол и к колу прикрепил полочку. На полочку сыпал пареное зерно и крупу, клал червяков и кузнечиков. Это была кормовая полочка,

совсем такая, как и для птиц. И, словно птицы, на полочку слетались яркие рыбы: окуньки, плотвички, уклейки. Начиналась возня, суматоха, догонаялки и отнималки. Точь-в- точь как у птиц! Только не слышно было птичьего чириканья и писка. И не потому, что чириканья и писка не было: крику было даже больше, чем у птиц. Но человеческое ухо так устроено, что не может слышать рыбьего голоса. Для этого нужно иметь особый, сложный прибор.

У меня не было такого прибора, и я не слышал, что говорят рыбы. Но, кроме хитрых приборов, есть на свете простой и верный способ услышать бессловесных животных. И не только услышать, но и понять, что они говорят. Для этого нужно их полюбить...

Мне очень понравились живые рыбы, и пото-му, наверное, я понял, что они хотели мне ска-зать.

Рыбы оказались большими хвастуничками! Они хвастали, что люди об их жизни знают совсем мало: куда меньше, чем о жизни зверюшек и птиц. Что вот только теперь, когда даже ребята смогут пользоваться водолазной маской и наблюдать рыб под водой, они расскажут людям кое-что инте-ресное.

Рыбы хвастались, что они спасают людей от комаров и малярии: ведь они так много поедают комариных личинок!

Рыбы говорили, что если они покинут озёра и реки, то ребятам придётся выбросить свои удоч-ки. А озёра и реки станут пустынны и неинтерес-ны, как леса, из которых улетели птицы.

Рыбы жаловались. Они жаловались на жадных рыбаков, которые вылавливали их сетью с мелкой ячейкой. В такой сети запутываются даже мальки, не успевшие пожить и нагулять рыбьего жирку. Они жаловались на бесхозяйственных людей, ко-торые сваливают в озёра и реки всякий хлам и спускают туда загрязнённую воду. От этого гиб-нут все рыбы: старые и малые.

Щуки и форели жаловались на охотников, ко-торые стреляют в них из ружей во время нереста.

Рыбы просили ребят расчищать стоки в озёрах, а то от застоя в них начинает портиться вода. Жители мелких озёр очень просили пробивать зи-мой лунки во льду—чтобы не задохнуться.

И за всё это рыбы обещали — все в один го-лос! — не покидать водоёмов и веселее клевать ле-том на ребячыи удочки. Даже если приманка на крючке будет невкусная, а поплавок будет такой огромный, что его и под воду-то

нелегко окунуть.

Это уже известно: там, где рыба хорошо живёт, всегда веселее клёв!

Вот сколько дел тем, кто захочет не только рыб ловить, но и помочь им.

Зинаида Письман

Послушай, дружочек, ты песни птиц весной

Послушай, Дружочек,
Ты песни птиц весной,
И каждый голосочек
Звенит самим собой.

И рады птички солнышку,
Теплу, родному гнёздашку,
Поют, трещат весной,
Летят под синевой.

Кричат они с полёта:
« Весной у нас забота,
Мы гнезда вьём весной,
Мы заняты, друг мой».

В лесах, в полях, в траве,
в листве.
Звенят их песни в вышине:
«Мы рады солнцу и весне,
Мы рады жизни на земле».

Анастасия Корюшкина

Как зайка весну встречал

Прыг да скоқ, по лесу скачет
Маленький весёлый зайчик.
Бегал он зимой в морозы
И искал кору берёзы.
Ох и вкусную кору
Кушал зайчик по утру!
Было холодно немножко
Бегать по лесным дорожкам.
Часто заяц спал на печке,
В своём тёпленьком местечке.
Приходили в гости мышки
Почитать с зайчонком книжки.
А теперь весна пришла,
Вся природа ожила.
И растаял снег-снежок.
Значит малому зайчишке
Нужно поменять штанишки.
Нужен серенький пушок.
И опять не видно зайку.
Ты попробуй, угадай ка:
Кто там серенький вдали,
Заяц или ком земли?
Убегает заяц шустро.
Скоро вырастет капуста.
Ну а коль придёт волчок,
Зайка прыгнет под кусток.

Галина Валеява Рогожина

Животный мир весной проснулся

Животный мир весной проснулся,
Ключом забила жизнь в лесу!
Лисичка ушки навострила,
А зайчик с травки пьёт росу.

Лису увидев, словно пуля
Пустился зайка наутёк,
Летит, пеньков не замечая.
А рыжей это невдомёк!

А вот медведь неторопливо,
Вальяжно, нехотя бредёт,
Окинет взглядом всю округу:
«Везде ль порядок? Всё ль цветёт?»

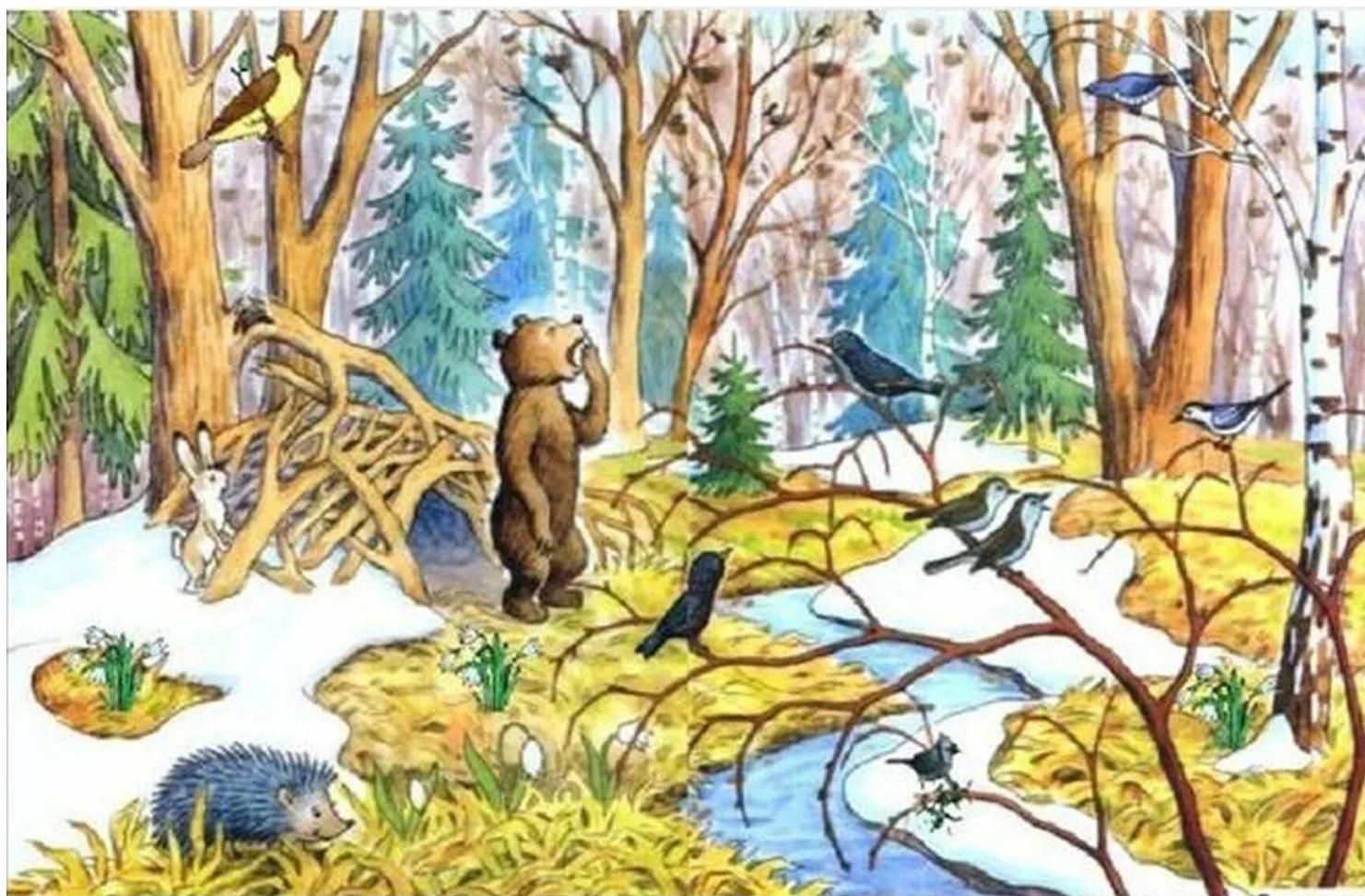
И волки в стае суетятся,
Им надоело голодать.

Пора охотой заниматься
Весной негоже отдыхать.

А вон и ёжик, весь в колючках
и настороженно глядит
Он никого не замечает,
Вперёд он быстро семенит.

Проснулись белки-озорницы:
И взрослые, и малыши,
Легко так прыгают по веткам,
Ну до чего же хороши!

Чудесен мир лесных животных
Пером его не описать!
А мы: и взрослые и дети
Его должны оберегать!

Русская народная сказка «Лиса и кувшин»

Вышла баба на поле жать и спрятала в кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала. Пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет! Отпусти же меня, кувшинушка. Полно тебе баловать — поиграл, да и будет!

Не отстает кувшин, хоть что ты хочешь!

Рассердилась лиса:

— Погоди же ты, не отстанешь честью, так я тебя утоплю!

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить.

Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой утянул.

К.Д. Ушинский. Лиса Патрикеевна

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое, ушки на макушке, хвостик на отлете, шубка тепленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихохонько, к земле пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно, смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие; много ходов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки, мягкой травушкой полы выстланы. Всем бы лисонька хороша была хозяйушка, да разбойница-лиса — хитрая: любит курочек, любит уточек, свернет шею гусю жирному, не помилует и кролика.

Виталий Бианки Купание медвежат

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два весёлых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окупать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенъко не выполоскала в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом — в воду, как первого.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный, и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

Лесная газета №1. Месяц пробуждения

Первая телеграмма из леса (От наших корреспондентов)

Грачи открыли весну

Открыли весну грачи. На всех проталинах появились их стаи.

Зиму грачи провели на юге нашей страны. Они очень спешили к нам на север – к себе на родину. По дороге они не раз попадали в жестокие метели. Десятки, сотни птиц выбивались из сил и погибали в пути.

Первыми долетели самые сильные. Теперь они отдыхают. Они важно расхаживают по дорогам и ковыряют крепкими носами землю.

Тяжелая, темная туча, закрывавшая все небо, ушла. По синему небу поплыли кучевые облака, похожие на большие сугробы снега. Родились первые зверята. У лосей и косуль отрастают новые рога. В лесу запели чижи, синицы и корольки. Ждем скворцов и жаворонков. Мы отыскали берлогу медведя под корнями вывороченной ели. Дежурим, – сообщим о его выходе. Струйки тающего снега тайно собираются подо льдом. В лесу капель: тает снег на деревьях. По ночам морозы заново куют лед.

Лесные происшествия

Первое яйцо

Самка ворона первою из всех птиц снесла яйцо. Ее гнездо – на высокой ели, густо засыпанной снегом. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нем не замерз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон.

Сосунки в снегу

В поле еще снег, а у зайчих уж рождаются зайчата.

Зайчата рождаются зрячими, в теплых шубках. Сразу, как появляются на свет, они уже умеют бегать. Наевшись досыта материнского молока, они разбегаются и прячутся под кустами, кочками. Лежат смирнеонько, – не пищат, не балуются, хоть мать и убежала куда-то.

Проходит день, другой, третий. Зайчиха по всем полям скачет, давно уже про них и забыла. А зайчатки все лежат. Бегать им нельзя: ястреб заметит или нападет на след лисы.

Вот, наконец, бежит мимо зайчиха. Нет, не мамаша – тетка какая-то чужая. Зайчата к ней: накорми нас! Ну что ж, пожалуйста, кушайте! Накормила – и дальше.

И опять зайчата под кустиками лежат. А мамаша их где-то чужих зайчат кормит.

Так уж повелось у зайчих: всех зайчат общими считать. Где бы ни повстречала зайчиха зайчат, она их накормит. Все равно, свои они ей или чужие.

Думаете, плохо зайчатам беспризорниками жить? Ничуть! Им тепло: шубка у них. А молоко у зайчих такое сладкое, густое, что зайчонок раз насосется, – потом несколько дней сыт.

А на восьмой-девятый день зайчата начнут травку зубрить.

Первые цветы

Появились первые цветы. Но не ищите их на земле, – она еще покрыта снегом. В лесу только на опушке журчит вода, и канавы полны ею доверху. Вот здесь-то, над бурой весенней водой, на голых прутиках орешника и распустились первые цветы.

Гибкие серые хвостики свешиваются с прутиков, их называют сережками, но на сережки они не похожи. Качнешь такой хвостик – из него облачко пыльцы.

Но вот что удивительно: на тех же веточках орешника есть и другие цветы. Эти сидят парочками или по три, их можно принять за почки, только из верхушки каждой почки высунулось по паре ярко-розовых ниточек-язычков. Это рыльца, они ловят пыльцу, которая летит по ветру с других кустов орешника.

Ветер свободно гуляет между голыми прутьями, – листьев нет и ничто ему не препятствует качать хвостики-сережки и подхватывать пыльцу.

Отцветет орешник. Отвалятся сережки. Засохнут розовые ниточки странных цветочков – почек. Но каждый такой цветочек превратится в орех.

Н. Павлова

Весенняя хитрость

В лесу хищники нападают на мирных животных. Где увидят, так и хватают.

Зимой на белом снегу не так-то скоро увидишь зайца-беляка и белую куропатку. А сейчас снег тает, во многих местах уже показалась земля.

Волки, лисицы, ястреба, совы, даже маленькие хищные горностаи и ласки издали замечают белую шерстку и белые перья на черных проталинах.

И вот беляки и белые куропатки пустились на хитрость: они линяют и перекраиваются.

Беляк стал весь серенький; у куропатки выпало много белых перьев, а на их месте отросли бурого и ржавого цвета новые перья с черными полосами.

Теперь беляка и куропатку не так-то просто заметить: они замаскированы.

Некоторым из нападающих тоже пришлось прибегнуть к маскировке. Ласка была вся белая зимой, горностай тоже,

только кончик хвоста у него был черный. И им обоим удобно было подкрадываться к мирным животным по снегу: белым по белому.

А сейчас они перелиняли и стали серыми. Ласка вся серая, а у горностая кончик хвоста как был, так и остался черным.

Но ведь черное пятнышко на одежде не вредит ни зимой, ни летом; ведь и на снегу есть черные пятна – соринки да сучочки, а на земле и в траве их сколько хочешь.

Зимние гости собираются в путь

На проезжих дорогах по всей нашей области замечены стайки маленьких белых птиц, похожих на овсянок. Это наши зимние гости – снежные подорожники-пуночки.

Родина их в тундре, на островах и берегах Северного Ледовитого океана.

Там не скоро еще оттает земля.

Обвалы

В лесу начались страшные обвалы.

Белка спала в своем теплом гнезде на ветке большой ели.

Вдруг тяжелый ком снега обрушился с вершины дерева прямо на крышу гнезда. Белка выскочила, а ее беспомощные новорожденные бельчата остались в гнезде.

Белка сейчас же принялась раскапывать снег. К счастью, оказалось, что снег только придавил крышу гнезда, сделанную из толстых прутьев. Круглое внутреннее гнездо из теплого мягкого моха осталось цело.

Бельчата даже не проснулись в нем. Они совсем еще маленькие – с крысенят, голые, слепые и глупые.

Сырые квартиры

Снег тает и тает. Жителям лесных подвалов плохо приходится: кроты, землеройки, мыши, полевки, лисы и другие зверьки и звери, живущие в норах под землею, уже сейчас страдают от сырости. Что же будет с ними, когда весь снег превратится в воду!

Загадочный пушок

На болоте растаял снег, между кочками – вода. А под кочками белеют серебристые кисточки, качаясь на гладких зеленых стебельках. Неужели это летучие плодики, которые не успели разлететься осенью? Неужели они перезимовали под снега? Не верится, – уж слишком они чисты и свежи.

Сорвешь такую кисточку, раздвинешь пушок – и загадка разгадана. Это цветы. Там между белыми шелковистыми волосками виднеются желтые тычинки и тонкие ниточки – рыльца.

Так цветет пушица, а волоски у цветов для тепла, – ведь ночи еще так холодны.

Н. Павлова.

В вечноzelёном лесу

Вечноzelеную растительность можно видеть не только в тропиках или на берегах Средиземного моря. И у нас на севере есть свои вечноzelеные леса с вечноzelеными кустарниками. Вот сейчас, в первый месяц нового года, особенно приятно пойти в такой лес, чтобы не видеть ни бурых прелых листьев, ни надоевшей сухой травы.

Пушистые серовато-зеленые молодые сосенки приманивают издалека. Как весело тут, среди них! Все живет: мягкий зеленый мох, кустики брусники с глянцевитой листвою и вереск, изящный вереск, на тонких веточках которого, покрытых черепицей удивительно мелких листочек, еще сохранились прошлогодние бледно-лиловые цветочки.

На краю болота виднеется еще один вечнозеленый кустарник – подбел. Его темные, подвернутые по краям листья снизу точно побелели, оттого и – подбел. Но кто сейчас остановится у этого кустарничка, не станет долго разглядывать листья, потому что заметит что-то интереснее: цветы! Красивые розовые колокольчики, похожие на цветы брусники. Приятная неожиданность – найти в лесу цветы в такую раннюю пору. Наберешь букет, и никто не хочет верить, что это с воли, а не из теплицы.

Потому что мало кто гуляет ранней весной в вечнозеленом лесу.

Н. Павлова.

Ястреб и грачи*

«Пи-пи! Кра-кра-кра!» – пронеслось что-то у меня над головой. Я обернулся и увидел: пять грачей летели за одним ястребком-перепелятником. Ястреб увиливал во все стороны, но грачи догоняли его и клевали по голове. Ястреб пищал от боли. Наконец ему удалось вырваться и улететь.

Я стоял на высокой горе, мне было далеко видно. Я видел, как ястреб сел на дерево – дух перевести – и как вдруг откуда-то с шумом налетела на него большая стая грачей. Тут ястребу пришлось совсем туго. Он с бешеным писком налетел на одного грача. Тот струсиł и бросился в сторону. Тогда ястреб очень ловко и без всякой помехи скользнул в высоту. Грачи, потеряв своего пленника, стали разлетаться по полю.

Лескор К. Мышляев.

ВТОРАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСА (От наших специальных корреспондентов)

Прилетели скворцы и жаворонки. И запели.

Нам надоело ждать выхода медведя из берлоги. Мы подумали: не замерз ли он там?

Вдруг снег зашевелился.

Но из-под него вылез совсем не медведь, а невиданный зверь, ростом с большого поросенка, весь в шерсти, с черным брюхом и двумя темными полосами на беловатой голове.

Оказывается, это не медвежья берлога, а барсучья нора, и вылез из нее барсук.

Теперь уж он больше не заснет и будет по ночам собирать в лесу улиток, личинок и жуков, есть коренья и ловить мышей.

Мы стали искать по всему лесу и опять нашли берлогу медведя, теперь уже настоящую.

Медведь еще спит.

Вода выступает на лед.

Снег рушится, глухари токуют, дятлы барабанят.

Прилетела птичка-ледоломка – белая трясогузка.

Санный путь испортился, колхозники сменили сани на телеги.